

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К17

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

 read_action

Разработка серийного оформления *Д. Сазонова*

Оформление обложки *В. Щербакова*

Иллюстрация на обложке *В. Остапенко*

Калинина, Дарья Александровна.

К17 Кошмар на улице дачной / Дарья Калинина. — Москва : Эксмо, 2020. — 320 с. — (Смешные детективы).

ISBN 978-5-04-108702-9

В обычном дачном поселке происходят совсем не обычные дела — кто-то запугивает местных жителей с помощью игрушечного медведя с жуткими записками. Впервые за тридцать лет происходит убийство человека. И в довершение всего, у местной художницы Риты похищают сына! Полиция в недоумении — какой зверь может совершать такое?! К счастью, на помощь органам приходит Саша и его верный пес Барон — а эта компания уже не раз доказывала, что сможет изловить любого изверга!

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Калинина Д. А., 2020

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-108702-9

ГЛАВА 1

Дачный день для обитателей поселка всегда начинался одинаково — с похода к молочнику. Кроме понедельника и четверга, когда молочник к ним не приезжал. Во все прочие дни недели, около десяти часов утра, все жители начинали прислушиваться, не раздастся ли гудок мчащегося по главной улице дачного поселка грузовичка. Можно было бы и не прислушиваться, молочник гудел так, что у жителей ближайших к дороге домов уши закладывало, но все почему-то прислушивались. Это был ритуал, которого придерживались дачники, проживающие на многочисленных улицах, Солнечных, Загородных и тому подобных, отходящих от главной, которая так и называлась — Главная. Просто и без затей.

Поход за молоком имел двойное значение. Во-первых, вкусно и полезно. А во-вторых, в очереди за совхозным молоком, творогом, сметаной, свежими сливками и маслом обменивались новостями, делились сплетнями, просто глазели друг на друга, на детей, собак и чужие велосипеды. Потом все разбредались по своим участкам,

завтракали и отправлялись каждый по своим делам. Бабушки на грядки, мамы на клумбы, дети на полянку, чтобы поиграть и придумать какие-нибудь забавы, пока взрослые не дозреют до той мысли, что пора бы отправляться на озеро, в лес или в магазин за покупками.

Сегодняшней звездой была Полина. Возбужденно сверкая глазами, она тыкала в свой новенький смартфончик и кричала:

— Я сама своим глазам не поверила. Но он, и правда, пропал. Вот посмотрите, вот он тут сидит, а теперь его нету. Он просто взял и пропал! Разве такое может быть? Скажите мне!

Речь шла про игрушечного мишку, который обычно сидел в развилке ствола рябины, закрывающей своими ветками всю игровую площадку детей. С мишкой этим творилось и впрямь что-то странное. Он то исчезал, то появлялся. Иногда в лапах у него был молоток, иногда огромный нож, иногда там находились жутковатые записки. Например, такие:

«Я мишка Тедди, я приду к вам сегодня ночью. Дайте мне немножко вашей крови».

Записки были написаны на английском языке. И другие девочки подозревали Полину в том, что она сама пишет эти записки, а потом подсовывает ни в чем не повинной игрушке в лапы. Но Полина клялась, что не имеет отношения ко всему этому безобразию, хотя бы уже потому, что изучает в школе французский. Она да-

же утверждала, что теперь не пойдет спать к себе на чердак, потому что ей страшно спать одной. Вдруг медвежонок и впрямь придет к ней ночью вместе со своим страшным молотком? Молотком, который тоже то появлялся, то исчезал.

— Я живу ближе всех к полянке, — тряслась Полинка. — К кому он придет? Ко мне он первой и заявится. Ой, как страшно! Девочки, я прямо вся холодная от ужаса!

— Вы с бабушкой все это выдумываете, — заявила авторитарная Настя, которая недолюбливала Полину за легкомыслие. — Сидите на кухне до полуночи и придумываете всякие шутки, чтобы нас подразнить.

Шура согласно кивнула и добавила:

— А мой папа вообще сказал, если мишка придет к нам, он посадит его в ящик, ящик заколотит гвоздями, а самого мишку прибьет самым большим гвоздем к полу ящика. И всё!

Полина несколько притихла. Мишка отличался солидными размерами, но и папа у Шуры тоже был не робкого десятка. Мог и справиться. Но острый маленький ум девочки непрерывно работал и скоро придумал новое развлечение.

— Давайте сегодня ночью за ним проследим.

— За кем? За мишкой?

— Если вы не верите, что он перемещается, если вас даже запись на видео не убедила, давайте ночью вы все увидите своими глазами. Своим глазам-то вы поверите?

Две другие девочки молчали. Предложение Полины выглядело заманчиво, но в то же время и жутковато. И им было не понять, чего тут больше: жути или привлекательности?

— Нас родители не отпустят.

— А мы им и говорить ничего не станем, — бойко заявила Полина. — Лично я сплю на чердаке. Меня бабушка на ночь целует, и всё, уходит к себе. У Насти примерно та же картина. Никто не проверяет, легла она спать или нет. Раз ребенка не слышно — значит спит. Никто к ней подниматься не будет. У ее дедушки нога болит. Он без конца на нее жалуется. А бабушка вокруг него за целый день так напрыгается, что ей уже не до проверок. А ты, Шура, тоже можешь сказать своим родителям, что сегодня хочешь спать на чердаке. У вас ведь там две комнаты. В одной есть кровать.

— Это для гостей.

— Но сейчас у вас гостей нету.

— Сейчас нету. Но на выходные должен приехать мой дядя Саша. И кстати, можно его подключить к проверке Тедди.

— Это еще зачем?

— А затем, что дядя Саша — он сыщик. У него и собака есть охотничья, Барон его зовут. Они вдвоем, знаете, сколько преступлений раскрыли! И не сосчитать! Давайте его подождем. Он мигом во всей этой истории разберется.

Но ни Полина, ни Настя не хотели участия дяди Саши. Полинка, потому что просто не хо-

тела ждать. А Настя, потому что боялась, что взрослые над ними будут смеяться.

— Гостей у вас сейчас нету, вот ты и будешь у своих вместо гостя, — распорядилась Полина. — Вечером пойдешь спать на второй этаж, а потом потихоньку выскользнешь из дома, чтобы никто не услышал.

— Ага! Как же! Услышат обязательно. У нас такая дверь скрипучая.

— Петли смажь, — посоветовала Полина. — У Настиного дедушки немного машинного масла есть, я тебе принесу. Я видела, как он петли нам на двери смазывал. Она у нас тоже скрипела, он смазал — и порядок. Не скрипит. Ну что? Согласна?

Шура молча кивнула и отправилась договариваться с мамой. В душе она надеялась, что мама велит ей не молоть чепухи, скажет, что никуда на чердак Шура спать не пойдет, а будет спать, как обычно, в своей комнатке, рядом с родительской. И таким образом все само собой решится. Потому что, сказать честно, идти ночью следить за мышкой, с которым все-таки было не все до конца понятно, Шуре было страшновато. Конечно, она была почти уверена, что всю эту историю придумала Полина, и она же ее раздувает и рекламирует, потому что Полина известная фантазерка и выдумщица. Но все-таки оставался крохотный процентик, что мышка этот и впрямь не совсем мышка и что-то с ним совсем нечисто.

Но к удивлению и даже где-то разочарованию Шуры, ее мама отреагировала на просьбу дочери совсем не так, как ожидала Шура.

— На чердак? Ночевать? Да пожалуйста. Постельное белье я тебе дам.

Наверное, мама так ответила, потому что была занята разговором с тетей Ирой, бабушкой Насти. Они говорили о чем-то крайне увлекательном для обеих, поэтому мама так и отреагировала. И Шуре стало любопытно, о чем же идет разговор. Уходя, она немного притормозила в дверях.

И услышала, как тетя Ира сказала:

— Так его и не нашли до сих пор. Куда пропал, никто не знает.

После этого Шура уже просто не могла уйти, осталась и услышала продолжение:

— А какой хороший мальчик был. В седьмой класс осенью должен был идти. Мать теперь сама не своя от горя. Сгинул сыночек!

— Еще же ничего не известно.

— Да уж как не известно! — с жаром воскликнула тетя Ира и даже руками от возмущения взмахнула.

Мол, как это не известно, если ей давно все хорошо известно.

— Он же никогда так надолго никуда не пропал. Говорю тебе, Эля, хороший мальчик. Если уходил куда, обязательно матери говорил, что, куда, с кем идет. У Риты сердце боль-

ное, сын знал, что матери волноваться нельзя, шадил ее. Хороший мальчик. И ласковый. Бывало, подсядет ко мне под бочок, что вам, тетя Ирочка, сделать хорошего? Дров натаскать или огород полить? И это в то время, как все другие мальчишки только и думают, как бы малины нарвать или ту же смородину стырить. Да и современные девочки недалеко от них ушли. Иду на прошлой неделе, Нелька с соседней улицы на мопеде несется. Так мимо меня пронеслась, что всю прическу мне растрепала. И куда родители только смотрят? Это ведь не дело, чтобы ребенок так по улицам носился. Так она еще и на карьер ездит на нем, я это знаю. А на карьер я бы детей вообще не пускала купаться. Устроили там эту «тарзанку», а там от берега сразу дна нету. Один раз шагнешь — и с головой. Это же карьер, его искусственно выкопали. Будь она неладна эта «тарзанка», одна нерво-трепка.

— Так ведь это же Нелька с друзьями ее и устроила.

— О чем я тебе и говорю! Сорвиголова, а не девчонка. Сегодня в очереди за молоком стояла, слышала, как баба Вера рассказывала. Знаешь бабу Веру? В желтом доме живет, у дороги. Высокая такая, всех поучить любит.

Шура тоже знала эту в высшей степени неприятную старуху, которая всегда и всем была недовольна, все у нее шло не так и наперекосяк,

но почему-то винила во всем этом она не саму себя, а окружающих ее людей.

— Вышла баба Вера сегодня ночью из дома по естественной надобности и чуть инфаркт не схлопотала. Торчит, понимаешь ли, прямо над кустами у туалета чудовищная морда. Светится в темноте. И стонет. Баба Вера так и села. Ноги у нее подкосились, дыхание перехватило. Того и гляди, помрет. Да и то сказать, много ли старухе надо? Ей годочков уже, считай, за восемьдесят. Далеко ли до греха?

— Так и что случилось?

— А то, что Нелька подговорила других ребят, стащили они где-то тыкву, рожу в ней страшную вырезали, фонарик внутрь вставили и прикрепили над забором у бабки Веры. Та вышла, видит, в воздухе жуткая оскаленная морда парит. А ребята еще и стонать принялись, чтобы еще жутче сделать.

— И впрямь жуть, — согласилась мама Шуры. — Я бы и сама испугалась.

— В том-то и дело! И таких проделок на счету у Нельки миллионы! А Павлик никогда с этой компанией не играл. Все больше возле взрослых терся. Хороший мальчик! Вот хороший, и все! С моим дедом Сашей они огород копали. Кто другой из ребят станет за спасибо огород копать? Ни в жизнь! А Павлик стал! Нет, золото, а не ребенок. Травы перед домом скошим, он тут же с граблями бежит, в кучки соберет, в тачку загру-

зит, к нам на участок привезет. И никто его об этом не просил, сам вызывался!

Мама ничего не ответила. Наверное, мысленно сравнивала соседского Павлика с собственной Шурой, которая была мастером отлынивать от любой домашней работы. Не нравилось Шуре ни поливать грядки, ни полоть сорняки, ни мыть посуду, которую тут приходилось полоскать сразу в трех тазиках — первый с мыльной водой, второй с водой колодезной, и третий уже с наичистейшей тоже колодезной, но прозрачной как слеза водичкой для окончательного ополаскивания.

А Павлик, как слышала Шура, посуду мыл. И по хозяйству всегда матери помогал охотно и без лишних просьб. Невзирая на это, Павлик никому из детей не нравился. Взрослые им восхищались, хвалили и ставили его в пример, но все прочие дети — даже мелюзга — дружить с положительным Павликом не хотели, а искали дружбы у все той же сумасбродной Нельки.

— Да что Нелька! — услышала Шура снова голос тети Иры. — Нелька — это еще полбеды. Лолитка — вот где подлинное несчастье родителей. Девчонке всего пятнадцатый год пошел, а она уже пьет, курит и, наверное, и наркотики употребляет, только родители ее еще об этом не в курсе. А с мальчишками она с двенадцати лет целовалась. Сама видела, и не один раз! Вашей Шуре который годик?

— Одиннадцать исполнилось.

— Ну вот, я и говорю, смотрите за ней получше. Я ее в компании с Нелькой и Лолиткой пару раз видела. Ничему хорошему эти девицы вашу девочку не научат. Так что вы вдвоем с мужем с ней поговорите на эту тему.

Мама ничего не ответила, но Шура поняла, что ей еще предстоит разговор с родителями, и внутренне возмутилась подобной напраслине. Станут Нелька с Лолитой дружить с ней! Они взрослые, крутые, Нелька на мопеде своем гоняет, настоящая амазонка. Это не Шура придумала, это дядя Коля ее так назвал. А дядя Коля — это отец Насти, зять тети Иры. Наверное, потому тетя Ира так Нельку и ненавидит: за дочку свою переживает, чей муж чужими соседскими девицами на мопедах восхищается.

Шура уже хотела уходить, чтобы не слушать, как тетя Ира будет настраивать ее маму против Нельки с Лолитой, но тетя Ира принялась ябедничать дальше, и Шура решила остаться.

— А еще на прошлой неделе я своей Насте запретила в дальний магазин ходить.

— Почему? Там же всякие сладости интересные продаются.

— А идти-то туда через лесок нужно. Нет, можно и по дороге, но это петля получается. Вот все и бегут через лес. И ваша Шура повадилась за черникой туда бегать.

— Ну и что?

— А в том лесу, между прочим, что ни год, то новое мертвое тело находят. То девицу какую-то, сутенерами порезанную нашли. То молодого мужчину из города — к кому он приезжал и кто его порешил, до сих пор полиция узнать не может. А в прошлом году и вовсе страшно: соседку нашу убили. Тут она жила, вон в том доме. Противная, скажу я тебе, баба, хоть про покойников плохо и нельзя говорить, но я все-таки скажу. Да и что поделывать, если это чистая правда?

— Вроде бы в том же доме с синей крышей живет Павлик?

— А баба эта была его родная тетка! У них с Ритой на двоих собственность на дом оформлена была. Только баба эта, которую убили, вообразила почему-то, что она больше прав на этот дом имеет. И всячески Павлика и его мать изводила. А той нервничать нельзя. У нее сердце больное.

— И что? Эту женщину убили?

— Да!

— Бедный Павлик, — посочувствовала мама Шуры. — Родная тетя! И так погибла!

— Не знаю, мне он опечаленным не показался. Наоборот, очень радовался, что тетка и ее гости их теперь донимать не будут, и весь дом в их с мамой распоряжении окажется. Сказал, что не будут больше к тетке шумные гости приезжать, песни до утра горлопанить, покоя никому не давать. Это надо же придумать, сестра почти